
О месте беспристрастности в системе морального долга ^{*}

© 2020 г. А.В. Прокофьев

*Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (НовГУ),
Большой Новгород, 173003, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41.*

*E-mail: avprok2006@mail.ru
<https://iphras.ru/prokofiev.htm>*

Поступила 04.06.2019

В статье рассматривается вопрос о том, какое место в системе морального долга занимает требование «Будь беспристрастным». В этической теории присутствуют два ответа на него: первый предполагает, что беспристрастность сопровождает исполнение любых моральных обязанностей, второй – что это не общеморальное свойство, а локальное явление в мире нравственных ценностей и норм. Второй ответ был концептуально оформлен Бернардом Гертлом. По мнению Гертла, беспристрастность уместна лишь в области исполнения фундаментальных норм-запретов и поиска случаев, в которых моральный деятель вынужденно, но при этом оправданно их нарушает. В сфере воплощения позитивных ценностных ориентиров, или идеалов, главный среди которых – «Помогай тем, кто в нужде», беспристрастность бессмысленна и невозможна. Выбор реципиентов помощи осуществляется на основе индивидуальных связей и привязанностей деятеля. Автор статьи оспаривает гипотезу Гертла. Во-первых, он демонстрирует, что требование быть беспристрастным имеет силу при выполнении совершенных обязанностей спасения. Совершенная обязанность спасения возникает там, где структура ситуации делает человека единственным, кто может избавить другого от гибели ценой незначительных усилий и потерь. Эта обязанность аннулирует значение индивидуальных симпатий, привязанностей, связей деятеля при выборе получателей помощи. Деятель не может отложить спасение и спасти позднее кого-нибудь из «своих» или «близких» людей. Кроме того, в тех ситуациях, когда необходимо спасать не индивидов, а группы людей, требуется беспристрастное исполнение принципа «спасай большинство». Во-вторых, автор показывает, что выбор для поддержки именно нуждающихся людей сам по себе содержит элемент беспристрастности.

Ключевые слова: этика, мораль, беспристрастность, позитивные и негативные требования, совершенные и несовершенные обязанности, обязанности спасения, Бернад Гертл.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–105–115

Цитирование: *Прокофьев А.В.* О месте беспристрастности в системе морального долга // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 105–115.

^{*} Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 18–18–00068.

On the Place of Impartiality in the Moral Normative System*

© 2020 Andrey V. Prokofiev

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (NovSU), 41, Bolshaya St. Petersburgskaya str., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation.

*E-mail: avprok2006@mail.ru
https://iphras.ru/prokofiev.htm*

Received 04.06.2019

The paper deals with a question about the place of the impartiality requirement in the normative system of morality. There are two answers to it: 1) impartiality accompanies the fulfillment of any moral duty, 2) impartiality has its own restricted scope. The second answer was conceptualized by an influential American ethicist Bernard Gert. In Gert's opinion, impartiality is relevant only for an agent that carries out ten moral norms (all of them are prohibitions) or violates these norms under justifying conditions. Though, the impartial behavior is senseless and impossible in the sphere where positive requirements are fulfilled without violations of norms. Gert calls positive requirements 'moral ideals'. The central moral ideal is 'Help the needy'. Gert believes that an agent is always allowed to chose recipients of his help on the basis of his/her personal attachments and relations. The author challenges the Gert's hypothesis. First, he demonstrates that impartiality is also relevant for an agent fulfilling a perfect duty to rescue without any violation of a moral norm. This agent is not allowed to rely on partial considerations. He/she cannot choose freely whom to help. Second, the author shows that the formula 'Help the needy' by itself compels us to treat impartially all members of the group that includes those who are in need and who are not.

Keywords: ethics, morality, impartiality, negative and positive requirements, perfect and imperfect duties, duty to rescue, Bernard Gert.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-105-115

Citation: Prokofiev, Andrey V. (2020) 'On the Place of Impartiality in the Moral Normative System', *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2020), pp. 105–115.

Введение

В этической теории распространено утверждение, что универсальность является неотъемлемым свойством моральных требований (принципов), а производная от нее характеристика универсализуемости играет ту же роль в отношении моральных суждений. Это утверждение свойственно, прежде всего, той традиции осмысления морали, которая восходит к Иммануилу Канту (см.: [Апресян 2018^a; Апресян 2018^b]). Однако оно часто встречается и за пределами кантианства (см.: [Hare 1997, 18–26]). Если тезис о неразрывной связи морали и универсальности верен, то такая же связь должна иметь место и в отношении главных проявлений универсальности, таких как общеадресованность и беспристрастность. Именно этот вывод я и хотел бы обсудить в данной статье.

Ее основная задача состоит в том, чтобы проверить, действительно ли любые моральные требования предполагают, что отношение деятеля к тем людям, интересы

* The paper has been developed within the research project "The Phenomenon of Moral Universality" supported by the Russian Science Foundation, grant No. 18-18-00068.

и потребности которых затрагивают его поступки (к так называемым реципиентам его действий), должно быть беспристрастным. Под беспристрастным отношением я буду понимать безразличие деятеля к тому, кто из реципиентов действия несет потери или, напротив, получает преимущества от выполнения определенного требования. Противоположностью беспристрастности является избирательное, то есть не заданное самими нормами и ценностными ориентирами, обращение с разными людьми. Причиной такой избирательности могут быть: 1) собственная выгода деятеля; 2) личные симпатии и антипатии деятеля к реципиентам; 3) его привязанность к ним или враждебные отношения с ними; 4) общая принадлежность деятеля и реципиента к каким-либо группам (родственным, семейным, гражданским, религиозным, культурным и т. д.) или их принадлежность к разным группам, имеющим опыт вражды и противостояния. Если избирательность, которая опирается хотя бы на какие-то из перечисленных оснований, допустима или обязательна при исполнении одних моральных требований, но не допустима или не обязательна при исполнении других, то беспристрастность – это не общеморальное свойство, а локальное явление в мире морали.

Гипотеза Бернарда Герта

Именно такой вывод был сделан известным американским этиком Бернардом Гертом (1934–2011), поэтому решение основной задачи данной статьи будет связано с прояснением и критикой его позиции. Гипотеза Герта, артикулированная в целом ряде его трудов [Gert 1995; Gert 2004; Gert 2005], стала результатом соотнесения разных элементов разработанной им теоретической картины морали. По его мнению, все ценностно-нормативное содержание морали можно разделить на два больших массива. Прежде всего, деятелю вменен в обязанность к исполнению ряд норм, которые прямо и косвенно запрещают причинение вреда другому человеку. Напрямую вред табуирован в таких запретах, как «Не убивай», «Не причиняй страдания», «Не калечь (не лишай способностей)», «Не лишай свободы», «Не лишай удовольствия». Косвенно количество вредоносных действий уменьшает соблюдение второго блока запретов: «Не обманывай», «Выполняй свои обещания (не нарушай своих обещаний)», «Не мошенничай», «Подчиняйся (правовому) закону», «Исполняй (социальные) обязанности». Моральные нормы не содержат уточнений, касающихся ситуаций, в которых необходимо их исполнение, и деятелей, от которых оно требуется. По умолчанию подразумевается, что они обращены ко всем разумным деятелям и всегда [Ibid., 110–130, 159–220].

Наряду с нормами содержание морали включает в себя и другую составляющую, которую Герт называет «моральными идеалами». Под моральными идеалами он понимает различные ценностно-нормативные ориентиры человеческой деятельности, которые нацелены на уменьшение количества и вероятности вреда, но уже не на основе воздержания деятеля от вредоносных поступков, а на основе защиты реципиентов от тех или иных воздействий, которые уменьшают их свободу и благополучие. Невреждение дополняется предотвращением и смягчением вреда. В этой связи Герт приводит такие формулировки, как «Сохраняй жизнь», «Облегчай боль», «Помогай тем, кто в нужде» и т. д. В случае с идеалами мы сталкиваемся с иным способом воздействия морали на мотивационную сферу деятеля, или иным проявлением императивности морали: не «каждый обязан подчиниться» идеалу, а «поощряется следование ему со стороны каждого» [Ibid., 246–274].

На пересечении моральных норм и идеалов Герт обнаруживает еще один элемент содержания морали. Хотя нормы, по его мнению, универсальны, отсюда не следует, что они не имеют исключений. Нормы обладают императивной силой по отношению ко всем деятелям и во всех случаях, кроме тех ситуаций, в которых их нарушение имеет достаточное основание. В этом смысле можно говорить, что существует лишь презумпция их всеобщего и повсеместного исполнения. Нарушения моральных норм превращаются в оправданные в том случае, если в их пользу свидетельствует рассуждение,

которое отвечает определенной процедуре. Центральным элементом этой процедуры служит соотношение между собой вреда, причиненного нарушением нормы, вреда, которого удалось избежать в результате нарушения нормы, и вреда который удалось предотвратить с помощью этого нарушения. Однако кроме оценки вреда для выявления исключений имеют значение и иные обстоятельства («морально релевантные черты ситуации») [Gert 2005, 220–245]. Из гертского описания процедуры обоснования нарушений становится ясно, что исключения из норм оправданы там, где ситуативное исполнение какой-то нормы противоречит следованию идеалу. Разница в императивном статусе норм и идеалов не препятствует такому исходу, любые утверждения о категорическом приоритете норм над идеалами Герт считает неоправданными [Ibid., 251].

Гипотеза Герта состоит в том, что сохранение беспристрастной установки является обязательным в отношении лишь части описанных выше элементов содержания морали. Что касается десяти моральных норм, то их исполнение не только может, но и должно быть беспристрастным. Деятель обязан относиться безразлично к тому, кто именно из других людей не пострадает от того, что он воздержится от вредоносных действий (не убьет, не причинит боли, не искалечит и т. д.) Избирательное соблюдение запретов само находится под запретом. Никто не имеет права ограничивать круг защищенных моральными нормами людей своими близкими, согражданами, единоверцами, представителями собственного пола, своей расы и т. д. [Ibid., 214–215]

При этом Герт подчеркивает, что, хотя беспристрастность имплицитно присутствует в самих моральных нормах, требование «Будь беспристрастным» не превращается в самостоятельное до тех пор, пока деятель не начинает раздумывать над тем, не стоит ли ему нарушить моральную норму. Одним из оснований нарушения может быть именно пристрастное отношение к потерям и приобретениям других людей или избирательное безразличие к вреду, причиняемому другим людям. Именно в этих случаях самоограничение деятеля поддерживается требованием «Сохраняй беспристрастное отношение ко всем, кто затронут твоими действиями». В этой связи неудивительно, что Герт считает беспристрастность актуальной не только при соблюдении норм, но и при выявлении ситуативных исключений из них. Тот, кто не просто нарушает норму, а рассматривает это нарушение в качестве морально допустимого или обязательного, также может оказаться подверженным различным проявлениям предвзятого отношения к другим людям. Процедура обоснования исключений из моральных норм препятствует подобному влиянию. Соответственно, стремление к реализации моральных идеалов, задействованное в обосновании исключений из моральных норм, также регулируется требованием беспристрастности [Ibid., 240].

Однако взятые сами по себе, вне привязки к проблеме исключений, моральные идеалы не предполагают беспристрастной установки. Герт констатирует следующую особенность современной этики. Многие ее представители склонны принимать в качестве послышки тот факт, что моральные идеалы выражены в языке без упоминания конкретных лиц, групп, мест и моментов времени (то есть обладают предельной общностью и универсальны), и делать из него вывод, что стремящийся их реализовать деятель должен быть беспристрастным. Но этот вывод, по мнению Герта, ошибочен. Выбор, какому идеалу следовать и в отношении кого это надо делать, является свободным и, значит, может определяться индивидуальными предпочтениями и пристрастиями деятеля. «Невозможно и, значит, бессмысленно, – пишет Герт, – пытаться придерживаться моральных идеалов в отношении ко всем людям беспристрастно. И даже более того, ошибочно думать, что деятели должны обосновывать выбор лиц или групп, на которых они концентрируют свои усилия» [Ibid., 253]. Работники «Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения» не должны обосновывать свою сосредоточенность на помощи афроамериканцам. Доноры «Объединенного еврейского призыва» не должны делать того же самого в отношении своей помощи евреям.

Этот тезис, по мнению Герта, не просто фиксирует структуру господствующих моральных убеждений, но и отражает основное назначение морали – уменьшение количества вреда в мире. Беспристрастность в области моральных идеалов «с меньшей

вероятностью приводит к уменьшению вреда, чем то поведение, которое смягчает или предотвращает вред, относящийся к каким-то связанным с деятелем группам, и не сопровождается при этом мыслью о миллиардах людей, которые не получают при этом выгоду» [Gert 2005, 254]. Данное рассуждение радикально противостоит космополитической этике в духе Питера Сингера, Марты Нуссбаум, Амартии Сена, которая пытается, отталкиваясь от идеи фундаментального этического равенства людей и требования беспристрастности, расширить горизонты морального долга [Singer 1972, 232; Nussbaum 1996, 14–15; Сен 2016, 169–216].

Обязанности спасения: совершенные и несовершенные

Гипотеза Герта порождает целый ряд вопросов. И первый из них таков: является ли предложенная Гертом типологизация содержания морали удачной основой для успешного исследования проблемы беспристрастности? Или, другими словами, не упускает ли Герт какие-то моральные ценности, нормы, обязанности, перечисляя те элементы содержания морали, которые требуют беспристрастного отношения к реципиентам действий? Мне представляется, что такое упущение действительно имеет место и что в области реализации моральных идеалов беспристрастное отношение к реципиентам представлено гораздо шире – не только там, где в свете идеалов становится оправданным вынужденное нарушение моральных норм. Самым ярким свидетельством этого служит отсутствие в гертовской типологии и в его обсуждении проблемы беспристрастности так называемых «обязанностей спасения». Они существенно отличаются по своей структуре от иных случаев исполнения позитивных моральных предписаний (реализации такого идеала, как «Помогай тем, кто в нужде»). И эта специфика указывает на их прямую связь с требованием «Будь беспристрастным».

Свое обращение к специфике обязанностей спасения я хотел бы начать со знаменитых кейсов, предложенных Питером Сингером [Singer 1972, 231]. В первом из них прохожий видит тонущего в неглубоком пруду ребенка, которого он легко может вытащить из воды. Ценой такого спасения является испорченная одежда (в некоторых версиях ситуации – опоздание на авиарейс). Во втором кейсе дилемма состоит в том, чтобы направить или не направить сумму, равную потерям спасителя в предыдущем кейсе и достаточную для спасения ребенка в голодающем регионе третьего мира (пусть в Сомали), организации, занимающейся борьбой с голодом. Однако смысл обращения к этим кейсам в данной статье будет отличаться от того, который подразумевает Сингер. Сингер считает, что сопоставление этих ситуаций вскрывает интуитивную неочевидность того, что соображения, связанные с близостью и удаленностью получателей помощи, имеют моральную силу. Мне же представляется, что эти соображения не лишены определенной силы, а обсуждение их роли проливает дополнительный свет на проблему сферы действия требования беспристрастности в морали.

Для решения этой задачи необходимо подвергнуть второй сингеровский кейс небольшой модификации. Во-первых, можно представить себе, что мы имеем дело с иным характером нужды. Перечисление средств может быть связано не со спасением одного ребенка от голода, а с покупкой для нескольких детей из Сомали вакцин и оплатой услуг медицинских работников по вакцинации, что существенно уменьшит для этих детей риск заболевания смертельно опасной болезнью, но не будет в полном смысле слова избавлением их от гибели. В иной модификации кейса альтернативой затрат на обновление гардероба после вынужденного погружения в пруд может быть спонсирование мер по улучшению качества питьевой воды в каком-то районе условного Сомали, что увеличит возможную продолжительность и качество жизни большого количества сомалийцев (в том числе, детей). Во-вторых, можно представить себе, что мы имеем дело с иным типом деятеля. Потенциальный спаситель может оказаться сомалийцем, путешествующим по Европе, и перечисление средств (для спасения ребенка от голода, обеспечения вакцинации или улучшения качества питьевой воды) будет для него помощью «своим» и «близким» людям или представителям «связанной с деятелем группы» (Герт).

Если мы будем отталкиваться от тезиса Герта о том, что в области реализации идеалов, не сопровождающейся нарушением норм, присутствует абсолютно свободный выбор реципиентов, то помощь в одном из рассмотренных случаев может быть свободно замещена помощью в другом. То есть человек, знающий о том, что у него есть возможность отправить средства на спасение голодающего ребенка в Сомали, может вполне обоснованно пренебречь спасением ребенка тонущего на его глазах и сразу же или немного позднее совершить мобильный перевод денег на счет организации, борющейся с голодом. Он также может без малейших угрызений совести использовать эти средства для поддержки вакцинации или улучшения питьевой воды в Сомали. А если он сомалиец, то такой способ использования сил и средств не просто допустим, но и имеет очевидный приоритет с позиции любого разумного и морально чувствительного человека.

Вряд ли описанное мной свободное замещение видов помощи покажется хоть кому-то интуитивно очевидным. Одно дело спасти жизнь, другое дело снижать риск смерти или улучшать условия жизни. Одно дело спасти жизнь другого человека «здесь и теперь», другое дело – спасти ее посредством присоединения к работе институционализированных коллективных механизмов помощи. Для отражения этой неоднородности в нормативной этике предложены два разграничения: разграничение обязанностей спасения и обязанностей помощи, а также разграничение совершенных и несовершенных обязанностей спасения.

Обязанности спасения в экстремальных ситуациях (обычно этики вводят дополнение про спасение, не требующее больших жертв или значительного риска) не являются полным аналогом обязанностей оказания помощи людям, находящимся в нужде. Их неисполнение оказывается близким по своему моральному смыслу к прямому причинению вреда. Это происходит в связи с пересечением двух обстоятельств – трагического масштаба потерь реципиента и ничтожно малого масштаба потерь деятеля, требующихся для спасения. Как замечает Патриция Смит, в каком-то самом общем смысле мы можем, конечно, утверждать, что поведение человека, отказавшегося спасти тонущего ребенка из-за боязни испортить одежду, демонстрирует его безразличие к благополучию других людей так же, как поведение человека, который не подал руку споткнувшемуся пешеходу. Однако эти слова не отражают глубины его морального падения и суровости моральной критики, которую он заслужил. Такой человек проявил «тотальное пренебрежение жизнью и безопасностью жертвы» и столь же тотальное «неуважение к ее человеческой личности, которая обладает... внутренней моральной ценностью» [Smith 1998, 33].

Чтобы акцентировать это обстоятельство в кантианской нормативно-теоретической рамке, Смит предлагает вспомнить, почему вредящие действия выступают в качестве главного выражения безнравственности. Они прямо ограничивают возможность жертвы вести жизнь на основе собственного свободного выбора. Отсутствие прямого ограничения автономии делает неоказание помощи менее значимым моральным проступком, чем причинение вреда. Однако «чрезвычайная ситуация... такова, что жертва лишена способности выбирать до такой степени, что требуется спасение... Аргумент от автономии здесь не может применяться, потому что в этой ненормальной ситуации автономия полностью подавлена» [Ibid., 34]. В условиях, когда только помощь может восстановить способность жертвы обстоятельству к свободному выбору, строгое разграничение между неоказанием помощи и причинением вреда теряет свою этическую релевантность (другой вариант кантианского обоснования обязанностей спасения разработан Томасом Скэнлоном (см.: [Scanlon 1998, 224–228])).

Однако то обстоятельство, что разные виды содействия другому человеку не могут свободно замещать друг друга, нельзя объяснить исключительно в перспективе различия обязанностей спасения и обязанностей помощи. В конце концов, перечисление средств организации, которая борется с голодом в Сомали, также ведет к сохранению жизней, которые в противном случае были бы утрачены. И, значит, по формальному признаку оно тоже было выполнением обязанности спасения, а не простой помощи.

Это значит, что кроме фактора, который выделяет обязанности спасения в особую нишу в типологии морального долга, здесь, по всей видимости, действуют и иные факторы. Современная этическая мысль пытается их зафиксировать, используя имеющую довольно долгую и запутанную историю пару понятий «совершенные» и «несовершенные» обязанности (подробнее о ней см.: [Hill 1971]). Под совершенной обязанностью понимается такая, которая предполагает необходимость совершить определенное действие в определенное время и в определенном месте. В силу этого у ее исполнения есть приоритет по отношению к исполнению обязанностей, которые предоставляют деятельно возможность выполнить их позднее. Такой простор для выбора является признаком несовершенных обязанностей. Как правило, совершенная обязанность позволяет также выделить конкретного реципиента действий, в отношении которого она существует (деятель может указать на человека и сказать: «У меня есть долг перед ним, состоящий в том-то и том-то»). Несовершенная обязанность представляет собой обязанность перед группой людей, из которой должен быть выбран конкретный реципиент.

Виолетта Игнески попыталась описать разницу между этими обязанностями с помощью понятия «моральная определенность ситуации» и спроецировать это понятие на разные случаи спасения. «Определенная в моральном отношении ситуация – это та, которая... точно задает, что деятель должен сделать и когда он должен выполнить свой долг перед нуждающимся. У тебя есть совершенная обязанность действовать определенным образом (спасти другого), когда присутствует конкретное лицо, находящееся под угрозой, и когда ты связан с ситуацией таким образом, что имеется конкретное действие, которое ты можешь совершить для предотвращения угрозы в конкретный момент времени, обычно – немедленно» [Igleski 2006, 449]. В случае с перечислением средств голодающим «моральная определенность» отсутствует, поскольку деятель включается в текущий институционально организованный коллективный процесс помощи, отвечающий на продолжающуюся и тоже коллективную катастрофу. Призыв включиться в этот процесс обращен к большому количеству людей. Они включаются в него постепенно. И значит, и у деятеля есть надежда, что его задержка с присоединением к помогающим не будет причиной неминуемой смерти другого человека. Кроме того, к деятелю одновременно обращены призывы участвовать в разных кампаниях по предотвращению коллективных катастроф, и он точно знает, что не сможет стать участником их всех. Ничего подобного нет в случае с тонущим в пруду ребенком. Нет альтернативных спасителей, нет институционализированного процесса, нет альтернативных путей спасения и т. д. У деятеля нет выбора в вопросе о том, что именно он должен делать – он должен мгновенно вытащить ребенка из пруда.

Отсюда не следует, естественно, что помощь бедным и голодающим людям в странах третьего мира находится исключительно в области опциональных несовершенных обязанностей. Ее оказание представляет собой совершенную обязанность, но уже не отдельных индивидов, а коллективов и формируемых ими институтов. В этой связи в современной этике принято вести речь об «институционализации» или «консолидации» несовершенных обязанностей на уровне государства или общества в целом (см.: [Greenspan 2010, 193–199; Kuosmanen 2013; Iglesias 2017; Goodin 2017]). Этот процесс создает еще одно пространство беспристрастности в сфере морали. Однако оно требует отдельного подробного обсуждения.

Совершенные обязанности спасения и требование беспристрастности

Что дает анализ совершенных обязанностей спасения, присутствующих на индивидуальном уровне, для решения вопроса о локализации требования «Будь беспристрастным» в сфере морали? Мы видим, что совершенная обязанность спасения, несмотря на то, что она относится, если выразиться, используя гертовский термин, к сфере воплощения идеалов и никак не связана с нарушением запретов, требует забыть о разделении людей на своих и чужих, близких и далеких. Процедура принятия решения, связанная с ее исполнением, предполагает, что все люди, нуждающиеся в помощи

и спасении, мысленно выстроены в единый ряд, и тот, чья жизнь ситуативно оказалась в непосредственной и прямой зависимости от моего и только моего действия, должен получить помощь в первую очередь («здесь и теперь»). В порядке принятия решения я проявляю безразличие к тому обстоятельству, кто именно из этой большой группы оказался в ситуации, напоминающей кейс с тонущим ребенком, а кто – кейс со спасением от голода в Сомали. Обстоятельства и безличные критерии предпочтения реципиентов предreshают мой выбор, и он не зависит от моего уникального биографического нарратива, формирующего круги «своих» и «близких» людей. Спасая человека в экстремальной ситуации, включающей в себя элемент «моральной определенности», деятель обязан вести себя беспристрастно.

Дополнительный контекст, в котором требование беспристрастности проявляет себя в сфере обязанностей спасения, возникает, если в условиях чрезвычайной ситуации, которая предполагает непосредственное реагирование деятеля, задействовано несколько человек, находящихся в опасности. В этом случае свобода выбора между ними на основе симпатий, привязанностей, общей принадлежности к группам также не является полной. Представим себе ситуацию, в которой можно спасти лишь одного из двух находящихся в опасности детей и надо выбрать между представителем собственной этнической группы и какой-то другой (пример Джозла Файнберга [Feinberg 1992, 184]). Здесь, по всей видимости, моральная оправданность выбора в пользу «своего» не является очевидной. Случайный выбор с предоставлением равных шансов выжить каждому является более обоснованным. А он подчинен именно требованию беспристрастности. Представим себе другую ситуацию, в которой предметом выбора в условиях непосредственной смертельной опасности является спасение одной из двух групп людей, причем одна существенно больше другой. В таких случаях должен действовать принцип: «Спасай большинство» (обзор способов обоснования принципа см.: [Hirose 2014, 140–176]). Если в меньшей группе будет больше симпатичных для деятеля лиц и он примет решение в пользу спасения именно этой группы, то на уровне интуитивных моральных оценок подобное решение будет считаться неоправданным, а действие – недопустимым. Альтернативное решение, которое игнорирует симпатии и антипатии, не вызывает морального осуждения, и оно будет по своему смыслу беспристрастным, поскольку деятель проявит безразличие в отношении того, кто из реципиентов помощи приобретет и потеряет от исполнения принципа «Спасай большинство».

Другие индивидуальные предпочтения деятеля в данной ситуации могут играть иную роль. Если в меньшей группе окажутся супруг или дети потенциального спасителя, то интуитивная оценка нарушения принципа «Спасай большинство» не будет такой категоричной (оно может попасть в разряд допустимых или хотя бы извинительных, о чем свидетельствуют исследования психологов морали [Hughes 2017]). Однако отсюда невозможно сделать вывод, что беспристрастность неуместна или не ценна в области реализации моральных идеалов. Гораздо более обоснованным будет тезис, что какие-то проявления предпочтительного отношения к «своим» и «близким» людям в этой области могут перевешивать необходимость беспристрастного отношения ко всем реципиентам действия, обладающим равной моральной ценностью. Однако в целом обязанность быть беспристрастным действует в ситуациях спасения в качестве очень сильной обязанности *prima facie*, которая редко преодолевается другими обязанностями.

В работах Герта имеются рассуждения, которые можно рассматривать как частичный ответ на представленную выше критику его гипотезы. Однако они являются не очень убедительными. Герт пишет о неправоте тех теоретиков, которые считают, что «идеалам необходимо следовать беспристрастно в отношении к тем людям, которые вошли с деятелем в персональный контакт». Он упрекает таких теоретиков в том, что предложенное ими требование нереалистично (ведь невозможно подать одинаковое количество денег каждому нищему, с которым ты столкнешься на своем пути), и в том, что их позиция опирается на тщетную надежду (надежду, что беспристрастность к тем, кто находится в персональном контакте, позволит уменьшить число нарушений моральных норм) [Gert 2005, 254].

По моему мнению, слабость аргументов Герта связана с тремя обстоятельствами. Во-первых, критика его гипотезы касалась лишь части ситуаций, в которых деятели следуют императиву «Помогай тем, кто в нужде». Речь шла только о спасении и только о тех его случаях, когда зависимость спасения от действий конкретного человека является прямой и ничем не опосредствованной. Количество таких случаев по определению невелико, и это блокирует возражение, связанное с реалистичностью (см. схожую критику реалистических аргументов Герта в пользу невозможности существования дополнительной моральной нормы «Помогай другим» у Шелли Кэйгена [Kagan 2002, 134–142]). Во-вторых, содержание обязанностей спасения не определяется стремлением деятеля уменьшить количество нарушений моральных норм. У него есть свое собственное основание, которое было проанализировано выше. И наконец, в-третьих, специфику условий, в которых возникают совершенные обязанности спасения, невозможно описать с помощью формулировки «персональный контакт». Дело не в «персональном контакте», а в характере зависимости благосостояния человека, находящегося под угрозой, от решений и действий потенциального спасителя. Спасение ребенка на другом конце света посредством перечисления денег может оказаться прямой аналогией ситуации со спасением его от гибели в пруду, если опосредствующие такое спасение факторы исчезнут. Например, если донор по каким-то причинам окажется единственным человеком, к кому обращен призыв о помощи, и его решение по поводу перечисления денег превратится в выбор между жизнью и смертью конкретного ребенка «здесь и теперь». Такое положение дел выглядит искусственным и маловероятным, но его легко смоделировать в воображении. Соответственно Герт просто упускает одну из частей морального долга, при исполнении которой беспристрастность присутствует вполне очевидно. Эта часть – совершенные обязанности спасения.

Впрочем, мне представляется, что в случае с совершенными обязанностями спасения мы имеем дело не с единственным в своем роде, а всего лишь с наиболее контрастным проявлением беспристрастности в сфере воплощения моральных идеалов. Ведь Герт обнаруживает свободный выбор реципиентов помощи там, где он вряд ли является абсолютно свободным. Возьмем для примера участие в благотворительной практике и предполагаемую Гертом допустимость опоры на индивидуальные предпочтения при выборе направлений такого участия. Прежде всего, попытаемся рассмотреть саму формулировку гертовского морального идеала «Помогай тем, кто в нужде». Даже приняв допущение о свободном выборе между реципиентами помощи, мы столкнемся с тем обстоятельством, что человек, реализующий этот идеал, в каком-то отношении все равно проявляет безразличие к тому, кто из затронутых его действиями людей получит преимущества или понесет потери (а это и есть проявление беспристрастности). Из всех людей, которым можно было бы поспособствовать в продвижении их интересов, он выбирает именно тех, кто оказался в нужде. Это безличный, объективный фактор, который перевешивает индивидуальные симпатии, привязанности и связи. И лишь внутри широкой группы нуждающихся открывается описанная Гертом перспектива для свободного предпочтения нуждающихся афроамериканцев или нуждающихся евреев. Это обстоятельство указывает на то, что беспристрастность присутствует в морали на разных уровнях общности ее ценностно-нормативного содержания. И на высоких уровнях общности беспристрастное отношение к реципиентам действия необходимо в том числе при воплощении гертовских моральных идеалов.

Но и на том уровне общности, на котором осуществляется выбор между нуждающимися в помощи людьми, безличные факторы или критерии принятия решений не теряют своего значения и могут блокировать стремление деятеля реализовать свои индивидуальные симпатии, привязанности и связи. У потенциального благотворителя, выбирающего между направлениями своей деятельности, не может быть уверенности, что гертовская «невидимая рука» множества пристрастных предпочтений будет наиболее эффективно способствовать уменьшению вреда в мире. И значит, он не может не учитывать разницу между альтернативными способами использования ресурсов, которые он готов потратить на помощь нуждающимся – на спасение жизней и облегчение

страданий. Эта разница является очень важным и при этом беспристрастным доводом при принятии решений о том, кому и как помогать. Конечно, в этой сфере беспристрастность является менее значимым фактором, чем в сфере честного распределения ресурсов, которое осуществляет государство, стремящееся обеспечить дистрибутивную справедливость. Однако если благотворные последствия передачи ресурсов представителям «связанной с деятелем группы» будут радикально меньше, чем последствия передачи тех же ресурсов кому-то другому, то выбор в пользу «своих» окажется предметом вполне обоснованной моральной критики. И суть этой критики будет состоять в том, что выбор благотворителя был пристрастным.

Заключение

Итак, проведенный в данной статье анализ гипотезы Герта о том, что беспристрастность в сфере морали относится только к ограниченной области норм-запретов и исключений из них, продемонстрировал ее необоснованность. Беспристрастность требуется также от индивидуальных моральных деятелей, имеющих возможность спасти другого человека в чрезвычайной ситуации, если эта ситуация характеризуется «моральной определенностью». Требование беспристрастности распространяется и на организованные коллективы моральных деятелей, имеющие возможность повлиять на катастрофические процессы, затрагивающие представителей других коллективов (например, смягчить последствия стихийных бедствий, деградации социальной и экономической системы, военных конфликтов и т. д.). Наконец, то оказание помощи, которое нельзя рассматривать как спасение, также оставляет место для применения беспристрастных моральных критериев, аннулирующих значение персонализированных симпатий, привязанностей и связей между людьми.

Ссылки – References in Russian

Апресян 2018^a – *Апресян Р.Г.* Две версии принципа универсализации в моральной философии И. Канта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 104–111.

Апресян 2018^b – *Апресян Р.Г.* Кант, тест на универсальность и критерий морали // Философские науки. 2018. № 11. С. 70–85.

Сен 2016 – *Сен А.* Идея справедливости / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

References

Apressyan, Ruben G. (2018^a) 'Kant, Universality Test, and a Criterion of Morality', *Filosofskie nauki*, Vol. 11 (2018), pp. 70–85 (in Russian).

Apressyan, Ruben G. (2018^b) 'Two Versions of Universalisability Principle in Immanuel Kant's Moral Philosophy', *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, Vol. 46, pp. 104–111 (in Russian).

Feinberg, Joel (1992) *Freedom and Fulfillment*, Princeton University Press, Princeton.

Gert, Bernard (1995) 'Moral Impartiality', *Midwest Studies in Philosophy*, Vol. 20, No. 1, pp. 102–128.

Gert, Bernard (2004) *Common Morality: Deciding What to Do*, Oxford University Press, Oxford.

Gert, Bernard (2005) *Morality: Its Nature and Justification*, Oxford University Press, New York.

Goodin, Robert E. (2017) 'Duties of Charity, Duties of Justice', *Political Studies*, Vol. 65, No. 2, pp. 268–283.

Greenspan, Patricia (2010) 'Making Room for Options: Moral Reasons, Imperfect Duties, and Choice', *Social Philosophy and Policy*, Vol. 27, No. 2, pp. 181–205.

Hare, Richard M. (1997) *Sorting out Ethics*, Clarendon Press, Oxford.

Hill, Thomas E. (1971) 'Kant on Imperfect Duties and Supererogation', *Kant-Studien*, Vol. 62, No. 1–4, pp. 55–76.

Hirose, Iwao (2014) *Moral Aggregation*, Oxford University Press, Oxford.

Hughes, Jamie S. (2017) 'In a Moral Dilemma, Choose the One You Love: Impartial Actors Are Seen as Less Moral Than Partial Ones', *British Journal of Social Psychology*, Vol. 56, No. 3, pp. 561–577.

Igneski, Violetta (2006) 'Perfect and Imperfect Duties to Aid', *Social Theory and Practice*, Vol. 32, No. 3, pp. 439–466.

Igneski, Violetta (2017) 'The Human Right to Subsistence and the Collective Duty to Aid', *The Journal of Value Inquiry*, Vol. 51, No. 1, pp. 33–50.

Kagan, Shelly (2002) 'Gert on Aid to Others', ed. by W. Sinnott-Armstrong and R. Audi. *Rationality, Rules, and Ideals: Critical Essays on Bernard Gert's Moral Theory*, Rowman & Littlefield, Lanham, pp. 127–143.

Kuosmanen, Jakko (2013) 'Perfecting Imperfect Duties: The Institutionalisation of a Universal Right to Asylum', *Journal of Political Philosophy*, Vol. 21, No. 1, pp. 24–43.

Nussbaum, Martha C. (1996) *For Love of Country*, Beacon Press, Boston.

Scanlon, Thomas M. (1998) *What We Owe to Each Other*, Belknap Press, Cambridge.

Sen, Amartya (2016) *The Idea of Justice*, The Gaidar Institute Publ., Moscow (Russian Translation).

Singer, Peter (1972) 'Famine, Affluence, and Morality', *Philosophy and Public Affairs*, Vol. 1, No. 3, pp. 229–243.

Smith, Patricia (1998) *Liberalism and Affirmative Obligation*, Oxford University Press, New York.

Сведения об авторе

ПРОКОФЬЕВ Андрей Вячеславович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (НовГУ).

Author's information

PROKOFIEV Andrey V. – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (NovSU).